

Ученый, востребованный всегда

Торегельды ШАРМАНОВ, академик

70 лет — это приближение к возрасту мудрецов и патриархов, что является хорошим поводом для разговора о человеке, который, пройдя сквозь тернии XX века, встретил свой юбилей, не теряя бодрости, ума и таланта. Официально признанный еще до перестроечного времени, обласканный властью благодаря своему таланту, академик Сагадиев успешно работает в различных областях общественной жизни страны.

Талант Кенжегали Абеновича подтверждают серебряная медаль выпускника школы, именная стипендия студента, диплом с отличием выпускника университета, досрочное завершение аспирантуры с блестящей защитой кандидатской, затем докторской не где-нибудь, а в знаменитом Плехановском институте.

К. Сагадиеву судьбой была уготована особая участь — реформатора образовательной системы. Создав собственную школу экономистов, он определил фактически жизненное кредо — организация вузовской системы — с редким для такой миссии достоинством. Об этом свидетельствует его деятельность в качестве ректора четырех вузов. Несмотря на большую занятость депутатскими делами, он и сегодня остается одним из самых известных организаторов вузовской системы. При этом в глазах общественности К. Сагадиев предстает в образе бунтаря с холодным, ясным, смелым умом. Только он мог еще в 1982—1990 годах, будучи ректором Целиноградского сельскохозяйственного института союзного подчинения, переустроить весь учебный процесс, организовать интеграцию обучения с наукой и производством, приблизить ее к лучшим зарубежным стандартам, создать один из шести биотехнологических центров бывшего Союза, удвоить материально-техническую базу института.

Свое второе пришествие в Казахский экономический университет в качестве ректора в 1993 году он начал с переименования вуза в Казахскую академию управления, с удвоения окладов его сотрудников, отказа от рутинных структур управления учебным процессом. Активно шел процесс реорганизации вуза, открывались новые кафедры, создавались новые институты. За полтора года он осуществил сразу три крупных проекта по модернизации экономического образования стоимостью 6,5 миллиона долларов.

Последующие два года работы Кенжегали Сагадиева в качестве президента Национальной академии наук были насыщены событиями, взбудоражившими общество, этот период заслуживает отдельного рассмотрения.

Что касается Национального аграрного университета, которым он руководил в 1996—2001 годах, благодаря его усилиям за короткий период весь учебный процесс подвергся основательному пересмотру. На базе факультетов были организованы учебно-научные и производственные комплексы, для усиления фундаментальной подготовки специалистов и выхода их в мировое информационное поле созданы центры компьютерной и языковой подготовки, даже гуманитарного образования, на первый взгляд не вписывающиеся в привычные направления деятельности такого вуза. Были открыты новые подразделения для подготовки кадров по биотехнологии, агроэкологии, таможенному делу. Полностью обновилась материальная база, была внедрена рейтингово-тестовая система контроля обучения (тогда еще с трудом воспринимаемая общественным сознанием). Именно К. Сагадиеву пришлось в голову разработать и реализовывать отвечающую современным реалиям и перспективе философию высшего аграрного образования. Что ни говори, Кенжегали Сагадиев — признанный лидер.

Его жизненная полоса удач-неудач обернулась неоспоримым успехом, особенно после его шестидесятилетия. Убедительное тому доказательство — его приход в частный вуз. В Университете международного бизнеса он делает головокружительные успехи и, опять оказавшись в центре общественного внимания, заслуживает репутацию «диссидента» образовательной системы. Мое знакомство и постоянное, довольно тесное общение с академиком Сагадиевым пришлось на период его работы президентом Национальной академии наук, что помогло сложить свое суждение о нем, как об организаторе науки и человеке.

На долю академика Сагадиева выпала тяжелая, неблагодарная миссия по реформированию академии, которая показала его как человека, наделенного неистовой жадной поиском, действующего с необыкновенной дерзновенностью. Потому что Сагадиев — ученый, который чувствует себя в мировой науке, как дома, а дома — в мировой науке. При рассмотрении сложных

проблем он всегда мгновенно улавливал суть и находил наиболее рациональный путь решения благодаря редкому дару — чувству нового, умению видеть перспективу, природному таланту и особому складу ума. Академическое сообщество по-доброму восприняло его способность видеть и выдвигать ярких и сильных личностей. Он уничтожил практику серых бумажных речей, с первых шагов показал себя скрупулезным, глубоким ученым, нацелившимся на перспективу, находя все большую поддержку у «капризных» академиков. Однако при жестком понимании смысла нравственности он, по отношению к своему окружению, представляется человеком довольно суровым, почти всегда закрытым, редко кому позволяющим «подойти близко».

Поразительно, что К. Сагадиев, будучи натурой сложной и противоречивой, иногда даже парадоксальной, а в экстремальных ситуациях — эгоцентричной, нетерпимой, увлекает на свою орбиту сотни согласных и несогласных, рукоплещущих и негодующих. Соотнося проявление отдельных, не совсем приятных особенностей его характера с обстоятельствами того сложного времени, мы, друзья, считаем их продолжением его достоинства. Впрочем, когда вы видели, чтобы талантливый человек был еще и удобным? Эти качества, думаю, вообще несовместимы.

Академику Сагадиеву здорово не повезло, что са-

мый пик трагического не благополучия в истории НАН РК пришелся именно на период его руководства академией. Время было неимоверно трудное. Вся социальная сфера общества впадала в кризис. Закрывались библиотеки, школы, более тысячи междучреждений. В глубоком упадке находились и творческие союзы. Несмотря на это, в то время звание академика присваивалось за особые заслуги в науке. Сагадиев в то время, как настоящий академик, имел солидный багаж оригинальных научных трудов, воспитал большую плеяду талантливых ученых, завоевал различные звания и титулы. В этих условиях было немыслимо оставить в прежнем положении НАН, которую один из высокопоставленных чиновников назвал «советским анахронизмом», громоздкой и обременительной структурой для без того растрепанного бюджета страны. Слов нет, академическая наука встала перед необходимостью кардинальных перемен. При этом нельзя забывать и то обстоятельство, что до Кенжегали Сагадиева президентом НАН работал академик Умирзак Султангазин, настоящий ученый фундаментального толка, интеллигент до мозга костей, харизматическое обаяние которого у всех всегда вызывало искреннее чувство благоговения, который сделал очень много для развития академии.

Избрание члена-корреспондента К. Сагадиева в этих обстоятельствах президентом НАН РК стало одно-

временно сенсацией и иронией судьбы. Сенсацией потому, что впервые почти за ее 50-летнюю историю президента НАН избрали на альтернативной основе. Это было первым и последним в ее истории «романтическим актом», когда академическое сообщество вольнодумцев проявило дерзкую самостоятельность, за что потом оно расплатится своим почти исчерпыванием. Иронией судьбы — потому, что самая отчаянная попытка вновь избранного президента реформировать академическую науку и вытащить ее из кризиса, в которую погрузилась вся социальная сфера, была, увы, тщетной. Здесь становится понятным, что организация науки — не только воспарение, но и суровое испытание.

Проект реформирования академии, предложенный Сагадиевым, был просто невероятным. Осуществив сокращение тем, лабораторий, отделов, даже отдельных институтов, вплоть до других непопулярных для академической традиции мер, он обновил директорский корпус и сумел открыть новые институты, добился перелома психологии бюджетного иждивенчества НИИ, сортированием ученых на международное сотрудничество: завоевать гранты, участвовать в конкурсах разных фондов, активизировать коммерческую деятельность. Но, увы, самая кропотливая работа по реформированию управления наукой завершилась принятием проекта, предусматривающего слияние НАН с сельхозакадемией и объединением их с Министерством науки и новых технологий, что вызвало бурную и неоднозначную реакцию в общественной жизни страны, потому что этот беспрецедентный по масштабу проект был принят без обсуждения самим академическим сообществом. Впервые за всю историю академии во главе ее встал чиновник, не член академии. Никто тогда не догадывался, что этот парадокс потом станет закономерностью. Потом НАН в истории общественной жизни будет отеснена далеко на задний план, превратившись в одно из многочисленных научных сообществ.

Научная интеллигенция не была готова признать кризис фундаментальной науки, который между тем был очень глубоким. Сражаясь за прежнюю «сатпаевскую» академию, мы доказывали самим себе, что она еще жива и все осталось как было. На самом деле мы отстаивали миф. Академик К. Сагадиев оказался у руля разваливающейся системы и фактически превратился в ее заложника. Державший прежнюю академию внутренний пафос улетучился, благоволившее к ней время измени-

лось, академики утомились, миф поблек — и огонь в знаменитом научном очаге потух.

70 лет для ученого, для личности такого масштаба, как Кенжегали Сагадиев, остаются периодом свершений. Он спокойно воспринимает наступление возраста, хорошо адаптировавшись к тому состоянию, которое Фрейд называл «возрастом покоя», многого лучше, чем многие его коллеги. Он, как мы все, много размышляет о профессии и самоощущении в ней. Наверное, оттого, что отличает его от коллег, что позволяет себе в критических ситуациях быть непреклонным, когда кто-то из власти предрекших заставляет его делать то, что ему претит. Как автор около 300 научных работ, в том числе многих монографий, публицистических статей, он гордится, что помогает обществу, государству найти выход из сложных ситуаций в экономике и организации науки, не забывает о социальной ответственности ученого. Все это проявилось в его работе в Парламенте.

Что бы ни говорили окрестные люди, добился перелома психологии бюджетного иждивенчества НИИ, сортированием ученых на международное сотрудничество: завоевать гранты, участвовать в конкурсах разных фондов, активизировать коммерческую деятельность. Но, увы, самая кропотливая работа по реформированию управления наукой завершилась принятием проекта, предусматривающего слияние НАН с сельхозакадемией и объединением их с Министерством науки и новых технологий, что вызвало бурную и неоднозначную реакцию в общественной жизни страны, потому что этот беспрецедентный по масштабу проект был принят без обсуждения самим академическим сообществом. Впервые за всю историю академии во главе ее встал чиновник, не член академии. Никто тогда не догадывался, что этот парадокс потом станет закономерностью. Потом НАН в истории общественной жизни будет отеснена далеко на задний план, превратившись в одно из многочисленных научных сообществ.

Его разноплановые и глубокие лекции, доклады были понятны всем, в них присутствовало ощущение причастности к большой науке и большой культуре. Они воспринимались потому еще, что произносились с позиции власти, но это была власть любви: к своему предмету, а еще больше к человеку. Для родных, друзей, соратников стало незабываемым, что он мобилизовал всю свою энергию и вложил много сил в увековечение памяти выдающихся сыновей нашего народа, для всех нас бесконечно дорогих академиком Манаша Козыбаева и Умирзак Султангазина. У него не бывает, наверное, более счастливого состояния, когда в конце трудного рабочего дня окунается в атмосферу фундаментальной науки, который между тем был очень глубоким. Сражаясь за прежнюю «сатпаевскую» академию, мы доказывали самим себе, что она еще жива и все осталось как было. На самом деле мы отстаивали миф. Академик К. Сагадиев оказался у руля разваливающейся системы и фактически превратился в ее заложника. Державший прежнюю академию внутренний пафос улетучился, благоволившее к ней время измени-